

МИХАИЛ ЖВАНЕЦКИЙ. КАК Я ПРОВЁЛ ЛЕТО.

Четверг, 15 Мая 2014 г.

Родители говорили частично по-русски, частично на непонятном языке.

Потрясая перед папиным лицом авоськой гнилой картошки, мама спрашивала:

- Что ты, п.. ин тух.., купил?

Что такое "п.. ин тух.."? - встревал я.

- Это... - "дорогой человек", - слегка смутившись, отвечала мама.

- Как Брежнев?

- Ой, вей, - она хваталась за сердце. - Кто тебе это сказал?

- Папа.

Отец ухмылялся.

- Чему ты ухмыляешься?.. Если этот шлемазал где-то скажет, то нам...

- А что такое "шлемазал"?

Мама нервно гладила меня по волосам.

- Это... - такой мальчик...

- Толковый, - подсказывал папа.

- Молчи, лучше посмотри, какой дрек* ты принёс!

Авоська летела в раковину.

- Что такое "дрек", мама?

- Он называет это картошкой!.. Что тут выберешь?! Гурништ!

- Что такое "гурништ"?

- Твой отец!

Я путался.

- Мы будем кушать дрек?

- Да, благодаря этому п.. ин тух...

- Брежневу?

Мама хваталась за голову.

- Ой готеню! Я сойду с ума! Если этот шлемазал...

- Толковый мальчик! - подсказывал папа.

- Если этот... толковый мальчик где-то брякнет... Ты понимаешь, что с нами сделает Советская власть?

Папа понимал...

Его любимой присказкой было: "Советская власть плюс электрификация всей страны!"

Он говорил это, когда гас свет и тухли спички, глохла машина и трещал телевизор, перегорали пылесос и пробки, когда стиральная машина была током, а посуда об пол. Сотню раз на день.

- Что такое элек-три-фи-кация? - с трудом выговаривал я.

- Лампочка Ильича, чтоб он был нам в гробу вечно живой! - отвечал папа.

Мне представлялся дедушка Ленин на табуретке, вкручивающий в коридоре лампочку.

- Он её закрутил?

- Он закрутил нам бейцим*!

- Что такое "бейцим", папа?

- Это как мозг, только больнее.

Я терялся.

- Мама, - докучал я матери, - это правда, что Ленин закрутил нам лампочку в мозг.

- Ой, вей, я этого не переживу! - она роняла поварёшку. - Кто тебе сказал эту опасную глупость?

- Папа.

- Чему ты учишь ребёнка, придурок, мешигинер?! Ты хочешь гройсе цурес*?

- Что такое "гойсе цурес", мама?

- Это жить с таким п.. ин тух....!

- Так ты живёшь с Брежневым?

Мама падала в обморок. Вопросы вели к ответам, ответы к вопросам. Родителей эта цикличность приводила в бешенство, меня заводила в угол.

- Папа назвал мою учительницу – а штик некейве*. Кто такая "а штик некейве", мама?

- Тётя.

- Екатерина Семёновна моя тётя?

Из угла я почти не выходил, но и оттуда всё было слышно.

- Что это за язык? - спрашивал я.

- Еврейский, – тяжело вздохнув, отвечал папа.

- Я хочу его знать.

- Оно тебе надо?

- Надо.

- Оно тебе не надо!!!

Тогда я шёл к маме. Она жарила блинчики.

- Как блинчики на еврейском?

- Блинчикес.

- А вареники.

- Вареникес.

Картошку я помнил.

- А я знаю по-еврейски, - хвастался я своему другу Эдику. Он приезжал на каникулы к бабушке и гордо именовал себя полукровкой.

- Моя мама русская, - объяснял он, - папа еврей, а дядя удмуртский сионист - женат на удмуртке. Хочешь быть удмуртским сионистом?

Конечно, я хотел.

- Вот, - говорил Эдик, расправляя на коленях чуть пожелтевшую газетёнку. - Сионязычная, из самого Биробиджана.

"Биробиджан" он произносил шепотом.

- Это иероглифы, - пояснял, заметив, как округлялись мои глаза.

- Что тут написано? - мой палец скользил по диковинным строкам.

- Не туда, балда?! Не знаешь, что у сионистов всё задом наперёд?

Я вёл обратно - ясности не прибавлялось.

- Ну? - вопрошал Эдик.

- Вещь! - откликнулся я.

Вечером, кружа по комнате задним ходом, говорил папе:

- Видишь, теперь я уже удмуртско-биробиджанский сионист.

- Так-так, очень хорошо...

Папа смотрел хоккей.

- Сегодня газету из Биробиджана читал.

- Давай, давай, поднажми!

- Вырасту, женюсь на удмуртке.

- Молодец, Харламов!.. Что ты сказал?!

Эдик учил меня алфавиту.

- Это "А", это "Б"... "В" нету... Это "Г", это "Д"... "Ж" тоже нету.

- У сионистов нет "же"?! - тараторился я. - Как же они пишут "ёжик"?

- В Биробиджане нет ёжиков.

Буквы биробиджанские сионисты сэкономили. У них не оказалось половины гласных и мягкого знака, не говоря о твёрдом. Любимое мамино "ой, вей!" не писалось, хоть режь.

- Маме это не понравится, - сокрушался я.

- Зато смотри, как красиво на идиш получается "коммунизм"!

- Да! - любовался я построенным из иероглифов еврейским коммунизмом. Он красовался на заборе среди других не менее красивых надписей.

- А электри-фи-кацию можешь? - спрашивал я, и Эдик старательно выводил заказ на дверях

деревянного сортира. Электрификация получалась корявой. Букв не хватало.

- Ильичу бы это не понравилось, - качал я головой. - Дорисуй лампочку.

- Что вы, оглоеды, намалевали?! - подлетала к нам русская половина Эдика, баба Лиза.

- Лампочку Ильича! - пояснял я. - Сейчас по-еврейски коммунизм дорисуем, будет понятней.

Вытянув нас хворостиной, баба Лиза проявила, как научно выразился Эдик, бытовой антисемитизм. Больше у неё коммунизма мы не строили.

Каникулы кончились. Эдик уехал. Начался учебный год.

За сочинение "Как я провёл лето" папу срочно вызвали в школу...

- Занимался биробиджанским сионизмом?! - орал он, багровый, как рабоче-крестьянский стяг. - Строил по-биробиджански Советскую власть в туалете бабы Лизы?! Ты идиот?!

- Шлемазл, - голосил я, - толковый!

- Вот тебе жареный дрек с грибами!

Папа репрессировал меня ремнём, а мама, качая головой, всё вздыхала:

- А мешигене мишпухе, мешигене цайтн! Сумасшедшее время!..

ПЕРЕВОДЫ С ИДИШ:

П.. ин тух.. - грубое ругательство

Шлемазл - бестолковый

Гурништ - ничто

Дрек - дерьмо

Цурес - беды

Некейве - в разговорном идише женщина лёгкого поведения.